

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH162461-488>

Гаджиев Муртазали Серажутдинович,
д.и.н, проф., зав. отделом археологии,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

Будайчиев Арсен Лахманович,
м.н.с. отдела археологии,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
arseneihae@yandex.ru

Абдулаев Абдула Магомедович,
м.н.с. отдела археологии,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
realhigh87@mail.ru

Абиев Аскерхан Камалович,
м.н.с. отдела археологии,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
abiev-ak@yandex.ru

РАСКОПКИ ДЕРБЕНТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 2017 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH162461-488>

Murtazali S. Gadjiev,
Dr. of History, Prof., Head of Dept. of Archaeology,
Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

Arsen L. Budaychiev,
Junior Researcher, Dept. of Archaeology,
Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
arseneihae@yandex.ru

Abdula M. Abdulaev,
Junior Researcher, Dept. of Archaeology,
Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
realhigh87@mail.ru

Askerkhan K. Abiev,
Junior Researcher, Dept. of Archaeology,
Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
abiev-ak@yandex.ru

EXCAVATION OF THE DERBENT SETTLEMENT IN 2017

Аннотация: Статья посвящена результатам проведенных в сезоне 2017 г. Дербентской археологической экспедицией раскопок Дербентского поселения, начатых в 2012 г. Поселение предшествовало возведению Дербентского оборонительного комплекса в конце 560-х гг. и было постепенно оставлено после сооружения нового города, получившего новое имя Дербент (Дарбанд). Работы производились в южном секторе раскопа XXV, где были вскрыты культурные напластования, строительные (помещения 6, 7, 8, 9), хозяйственные остатки, датируемые V–VI вв., средневековые мусульманские захоронения, впущенные в культурный слой поселения.

Открытый комплекс жилых и хозяйственных сооружений, включающий 8 помещений, датируется V в. н.э. на основе хронологических индикаторов (поясные пряжки, фибула) и других археологических находок (в том числе, сасанидской керамики) Авторы считают, что этот комплекс прекратил свое существование в период бурных военно-политических событий середины V в. или начала VI в., а именно во время антисасанидского восстания 450-451 гг. или ирано-савирской войны 503–508 гг.

Полученные материалы проливают новый свет на вопросы исторической топографии, планировки, стратиграфии и хронологии, характеризуют культуру и быт населения Дербентского поселения, идентифицируемого с городом-крепостью Чор/Чол, известным древним армянским, грузинским, сирийским, ранневизантийским и арабским авторам и выступавшим важным административно-политическим, военно-стратегическим и религиозным центром Восточного Кавказа.

Ключевые слова: Дербент, Чор, поселение, поздняя античность, раннее средневековье, сасанидская керамика.

Abstract. The article presents the results of the excavation of the Derbent settlement, which had started in 2012 and conducted in 2017 by the Derbent Archaeological Expedition. The settlement preceded the construction of the Derbent defense complex in the end of 560s and was gradually abandoned after the foundation of a new city named Derbent (Darband). The work, carried out in the southern sector of the XXV dig, revealed cultural stratification, building (rooms 6, 7, 8, 9) and household remains dated 5th-6th centuries; medieval Muslim burials, sunk into the cultural layer of the settlement.

An open assemblage of residential and economic structures, which contain 8 rooms, dates 5th century AD according to chronological indicators (buckle, fibula) and other archeological finds (including Sasanian ceramics). The authors believe that this assemblage ceased to exist in the period of turbulent military-political events of the middle of the 5th century or early 6th century, particularly during the anti-Sasanian revolt in 450-451 or Iran-Savir war of 503-508.

Material obtained sheds a new light on the issues of historical topography, layout, stratigraphy and chronology; characterizes culture and everyday life of the Derbent settlement, identified with the fortress-town Chor/Chol, which was well-known to ancient Armenian, Georgian, Syrian, early Byzantine and Arabic authors, and acting as an important administrative and political, military-strategic and religious center of the East Caucasus.

Keywords: Derbent; Chor; settlement; late antiquity; early Middle Ages; Sasanian ceramics.

В 2017 г. Дербентская археологическая экспедиция продолжила раскопки Дербентского поселения [описание Дербентского поселения см.: 1, с. 108–109], предшествовавшего возведению Дербентского оборонительного комплекса в конце 560-х гг. Работы производились на заложенном в 2012 г. раскопе XXV, расположенном в 93 м к ЮВ от угловой южной башни цитадели Нарын-кала (рис. 1).

В 2012–2016 гг. на раскопе были выявлены культурные напластования, от первых веков н.э. до VI в. включительно, связанные с ними архитектурно-бытовые остатки (стены 1–13, вымостки 1–4, каменная база колонны, опорные камни столбов, глинобитные полы, очаги, гончарная печь, хозяйственные ямы 1–25, скопления керамики), разнообразные изделия из керамики, кости, бронзы, железа, камня, стекла, а также средневековые мусульманские захоронения (погр. 1–27), впущенные в культурный слой [1, с. 108–129; 2, с. 155–163; 3, с. 220–223; 4, с. 94–95; 5, с. 139–140; 6, с. 259–260; 7, с. 268–269] (рис. 2).

В 2017 г. работы велись в южном секторе, где продолжилось вскрытие помещений 6, 7 и 8 жилищно-хозяйственного комплекса, датируемого V в. н.э. (рис. 2, 3). Площадь раскопа в 2017 г. увеличилась на 34 кв. м, достигнув 177 кв. м. В результате проведенных работ были вскрыты культурные напластования мощностью до 1 м (слои 1, 2) и связанные с ними строительные остатки, датируемые в диапазоне IV–VI вв., выявлены стены 14, 15, продолжение стен 4, 11, 13, образующие названные помещения 6, 7, 8, три каменные вымостки-площадки, средневековые мусульманские погребения (погр. 28–30), разнообразные находки (керамика, изделия из кости, металла, камня), в том числе хронологически показательные, выступающие хронологическими маркерами. Ниже приводим описание вскрытых здесь слоев, строительных, хозяйственно-бытовых остатков и находок, а также впущенных средневековых погребений.

Переходя к описанию вскрытых культурных слоев и строительных остатков, отметим, что в результате раскопок 2012–2016 гг. определилась система застройки данной части поселения, возникшая здесь в конце отложения слоя 3, т.е. к началу–середине V в. н.э. Здесь проходила выделяющаяся своими более крупными параметрами стена (стена 4), обращенная своим наружным (восточным) фасом в сторону Прикаспийской равнины (Дербентского прохода) и служившая наружной (внешней) фасадной стеной домостроений Дербентского поселения, выполняя, тем самым, и оборонительную функцию. К этой общей для домостроений стене примыкали отдельные, смежные между собой помещения, разделенные стенами, сооруженными перпендикулярно к общей восточной стене (рис. 2–4). В этой связи выявленные помещения получили сквозную нумерацию севера на юг – в направлении постепенного расширения раскопа: помещения 1–8. При этом все помещения были вскрыты частично – не выявлены их западные стены, создающие замкнутое про-

странство (в этой части расположены два ряда сосен, что затрудняет проведение раскопок). *Помещение 1* образовано стенами 4 и 6 (иные стены пока не выявлены); *помещение 2* – стенами 4, 6 и 2, *помещение 3* – стенами 4, 2 и 3, *помещение 4* – стенами 4, 3 и 10, *помещение 5* – стенами 4, 10 и 11, *помещение 6* – стенами 4, 11, 12, *помещение 7* – стенами 4, 12, 13, *помещение 8* – стенами 12 и 13. Напомним, что стена 4 – общая для всех помещений, кроме *помещения 8* (рис. 2–5).

Прежде отметим, что при расконсервации раскопа и зачистке помещения 6 был зафиксирован стоящий *in situ* на уровне пола (рис. 6а) плоскодонный светло-коричневоглиняный кувшин-ойнохоя со сферическим туловом, цилиндрической горловиной и утолщенным наружу краем венчика (рис. 6,б,в), представляющий образец так называемой сасанидской керамики. В исследованном в 2016 г. помещении 6, стратиграфически относящемся к концу отложения слоя 3 – началу отложения слоя 2, было обнаружено на уровне пола *in situ* еще 11 керамических сосудов, в том числе кувшины-ойнохои, подобные найденному в этом сезоне (1, с. 158–160, рис. 8, 9). находка *in situ* значительного количества сосудов на уровне пола помещения 6, отдельных сосудов в других помещениях комплекса, функционировавшего на рубеже отложения слоев 2 и 3, как было предложено, может свидетельствовать о внезапности его оставления, связанного с какой-то угрозой, и последующей его гибели. При расчистке помещения 6 в 2016 г. в отдельных местах помещения на уровне пола фиксировались зольные пятна, обожженные участки, скопления древесных угольков, следы сгоревших деревянных тонких балок и жердей. Учитывая датировку слоев 2 и 3 соответственно серединой V – началом/серединой VI в. и серединой IV – серединой V в., было высказано мнение о прекращении функционирования этого комплекса, оставление его обитателями в связи с бурными военно-политическими событиями середины 450-х гг., а именно с антисасанидским восстанием 450–451 гг. [1, с. 158–159; 7, с. 268–269]. Но не исключено, что эти археологические факты нужно связывать с ирано-савирской войной в начале VI в., а именно в 503–508 гг.

Новые квадраты в южном секторе раскопа были заложены с целью полного вскрытия выявленных в прошлых сезонах стен 11, 12, 13 и обнаружения западных (поперечных) стен помещений 6 и 8 и, тем самым, полного вскрытия помещений 6, 7, 8.

Слой пахоты (слой 1), толщиной на данном участке от 30 см до 40–50 см, представляет собой серый, средней плотности комковатый суглинок с включением небольших бутовых камней и незначительного количества древесных угольков. В основании слоя 1, как и в предыдущие сезоны, на многих участках вскрываемых квадратов зафиксированы скопления бутового камня, очевидно, от разрушенных домостроений и отделяющие слой 1 от нижележащего слоя 2, накрывающего остатки домостроений.

Из слоя 1 происходит значительное количество фрагментов керамической посуды, носящей отчасти разновременный характер. Здесь представле-

ны три обломка средневековых керамических труб водовода, два фрагмента глазурованной керамики домонгольского времени, многочисленные обломки раннесредневековой (позднесасанидского времени) красноглиняной и коричневоглиняной тарной (в т.ч. штрихованной) и столовой керамики, в т.ч. кувшины-ойнохой со сливами (рис. 7, 1), коричневоглиняной белоангобированной столовой керамики, красноангобированной (в т.ч. характерной ленточной ручки кувшина) (рис. 7, 2) и коричневоглиняной каннелюрованной керамики. В значительном количестве представлена серо- и коричневоглиняная кухонная посуда, главным образом, фрагменты горшков. Отметим и редкие фрагменты серо- и чернолощеной керамики (в т.ч. показательной чернолощеной мисочки с бортиком – рис. 7, 3), характерной для албано-сарматского периода. Хронологически показательные формообразующие обломки керамики слоя 1 позднесасанидского времени представлены фрагментами так называемой сасанидской керамики. Это:

- фрагмент горловины с подквадратным в сечении краем красноглиняного кувшина (рис. 7, 4);

- верхние части крупных сферической формы сосудов с раздвоенным венчиком (рис. 7, 5–8);

- фрагменты тарной бежево- и коричневоглиняной керамики, в том числе покрытой белым ангобом (рис. 7, 9–12).

Индивидуальные находки из слоя 1 представлены:

- фрагмент коричневоглиняного керамического штыря для обжига керамики (рис. 7, 13); сохранившаяся длина = 3,3 см, $d = 2$ см;

- железный однолезвийный нож с горбатой спинкой и чуть приподнятым острием (рис. 7, 14); концевая часть черешка ножа не сохранилась; длина клинка = 9,5 см, ширина клинка = 2,2 см, толщина обуха = 5 мм;

- железный черешковый броневой наконечник стрелы с подквадратным сечением пера (рис. 7, 15); общая длина = 47 мм, длина пера = 16 мм, длина черешка = 31 мм, толщина пера = 8 мм, толщина черешка = 3–5 мм;

- бронзовая шарнирная фибула без иглы (сохранились следы основания пружины железной иглы) (рис. 7, 16); спинка плоская, дугообразная, удлинённо-треугольная, с насечками на дужке и у иглодержателя; длина = 4,5 см, ширина спинки = 2–8 мм, толщина спинки = 2–3 мм, соотношение длины и высоты спинки = около 2,5:1.

Исходя из стратиграфии раскопа и представленных в нем материалов, слой 1, нарушенный распашкой и террасированием, датируется позднесасанидским временем (VI – начало VII в.). Хронологическим репером для датировки слоя является бронзовая фибула – она относится к кругу раннесредневековых (VI – начало VII в.) шарнирных прогнутых фибул с удлинённо-треугольной дугообразной спинкой и железной иглой, и наиболее близка ей, в частности, фибула из погр. 4 VI века могильника Чми [8, с. 52, 54, рис. 2, 13]. Это находка подтверждает ранее предложенную хронологию культурных напластований раскопа. Ножу из слоя 1 почти аналогичен нож из раскопок

позднесасанидского городища Каср-и Абу Наср [9, p. 171, fig. 63, mm]. Присутствие в слое 1 в незначительном, единичном количестве материалов арабского и сельджукского времени (фрагменты глазурованной керамики, водоводных труб) объясняется тем, что данная территория входила в зону активной сельскохозяйственной округи города.

В основании слоя 1 возле западного борта раскопа был обнаружен развал керамического сосуда (рис. 8) – часть крупного коричневоглиняного лощеного плоскодонного кувшина со сферическим туловом, покрытым орнаментом из каннелюр; горловина не сохранилась; D наибольшего расширения тулова = 32 см, d донца = 18 см.

Под развалом вышеупомянутого сосуда было выявлено крупное зольное (очажное) пятно, представляющее собой яму овальной формы, заполненную золой с включением кусочков древесных угольков, костей грызунов и мелких бутовых камней. В основании ямы лежало несколько плоских бутовых камней; еще один плоский камень стоял на ребре у южного борта ямы. Размеры ямы 1,24×0,75 м, глубина 24–26 см. В заполнении ямы было найдено 26 фрагментов керамической посуды, в т.ч. фрагментов стенок сосудов, покрытых каннелюрами, и 2 формообразующих обломка: фрагмент невыраженного венчика и части тулова коричневоглиняного толстостенного сферического котла с врезной волнистой линией, окаймляющей тулово; фрагмент венчика коричневоглиняного каннелюрованного лощеного кувшина-ойнохой с основанием округлой в сечении ручки у внешнего края венчика.

Ниже слоя 1 следовал культурный слой 2, представлявший собой средней плотности суглинок серого, серо-коричневато-го цвета, с редкими вкраплениями древесных угольков, насыщенный мелким и средним, реже крупным бутовым камнем, иногда образующим скопления, очевидно, от разрушенных стен домостроений, накрытых слоем 2. Слой имел понижение с ЮЗ на СВ соответственно рельефу местности. Толщина слоя колебалась от 20 см до 55 см.

В слое найдено значительное количество фрагментов керамической посуды. Она представлена обломками столовой, кухонной, тарной керамики, характерной для середины I тыс. н.э., точнее для сасанидского периода (V – середина VII в.). Это те же указанные выше технико-технологические группы раннесредневековой керамики. Показательные формообразующие обломки керамики слоя 2 представлены, в частности, фрагментами:

- ленточной ручки сероглиняного кувшина с примесью толченой ракушки в тесте, весьма близкой ручкам андрейаульского типа; по центру внешней стороны ручки проходит ряд из глубоких вертикальных насечек (длина насечки 2,5 см) (рис. 9, 1);

- стенки плечика с овальной в сечении ручкой коричневоглиняного кувшина с серой лощеной поверхностью (рис. 9, 2), характерного для албано-сарматского периода;

- плавно расширяющегося к краю венчика и части стенки бортика

сероглиняной с лощеной поверхностью миски, характерной для албано-сарматского периода (рис. 9, 3);

- венчика красноглиняного кувшина-ойнохой; ниже края венчика имеется пуговичный налест: на горловине – следы каннелюр (рис. 9, 4);

- верхней части коричневоглиняных, с примесью толченой ракушки в тесте, сферической формы горшков с утолщенным наружу венчиком и с пояском из многорядных врезных линий в верхней части тулова (рис. 9, 5–7);

- горловины кувшина со сливным носиком и с пуговичными налестами-«глазками» по бокам носика, имитирующими мордочку свиньи; поверхность между глазками и носиком декорирована круглыми штампами-пунсонами с крестиком по центру (рис. 9, 8).

Отметим находки в слое фрагментов столовых керамических сосудов, покрытых каннелюрами, красноангобириванной керамики, типичных для V–VI вв.

Из слоя 2 происходит также серия образцов так называемой сасанидской керамики, представленной, в частности, следующими показательными фрагментами:

- горловины с подквадратным в сечении венчиком коричневоглиняного кувшина; по основанию плечика проходит поясик из многорядных врезных горизонтальных линий; от внешнего края венчика отходит основание ленточной ручки (рис. 10, 1);

- горловины с подквадратным в сечении венчиком коричневоглиняного кувшина с примесью мелкотолченой ракушки и песка в тесте (рис. 10, 2);

- резко утолщенного венчика крупного толстостенного коричневоглиняного белоангобириванного тарного сосуда с примесью песка и толченой ракушки в тесте (рис. 10, 3);

- резко отогнутого и утолщенного короткого венчика красноглиняного толстостенного тарного сосуда; в месте перехода от плечика к венчику проходит поясик из тонких многорядных врезных окаймляющих линий, ниже которого проходит поясик из тонких многорядных врезных волнистых линий (рис. 10, 4);

- раздвоенного венчика красноглиняного сферического сосуда (рис. 11, 1);

- раздвоенного венчика крупного красноглиняного сосуда с примесью известняка и песка в тесте (рис. 11, 2);

- раздвоенного венчика крупного коричневоглиняного сосуда с вкраплениями шамота в тесте (рис. 11, 3);

- кольцевого поддона красноглиняного кувшина с примесью измельченной ракушки в тесте (рис. 11, 4);

- утолщенного наружу венчика коричневоглиняного кувшина с примесью мелкотолченой ракушки и песка в тесте (рис. 11, 5);

- венчика с подквадратным в сечении краем бежевоглиняного кувшина (рис. 11, 6);

- венчика с подквадратным в сечении краем коричневоглиняного

кувшина (рис. 11, 7),

- венчика с подквадратным в сечении краем красноглиняного кувшина (рис. 11, 8);

Индивидуальные находки из слоя 2 представлены следующими предметами:

- фрагменты двух коричневоглиняных керамических штырей для обжига керамики (рис. 11, 9, 10); сохранившаяся длина соответственно 5,5 см и 5,3 см, диаметр 2,5 см и 1,7–2,1 см;

- обломок каменной зернотерки;

- половинка сероглиняного дисковидного керамического пряслица (рис. 11, 11); диаметр = 4,7 см, d отверстия = 1 см, толщина = 1,3 см;

- дисковидное керамическое пряслице, изготовленное из стенки красноглиняного тарного сосуда (рис. 11, 12); диаметр = 3,7 см, d отверстия = 0,9 см, толщина = 1 см;

- каменный оселок из плоской гальки с недосверленным отверстием (рис. 11, 13); длина 6 см, ширина 3,2 см, толщина 0,6 см;

- костяная проколка из плюсны МРС, с заполированным острием (рис. 11, 14); длина = 13,8 см;

- два железных кованых гвоздика с квадратным сечением (рис. 11, 17, 18); соответственно длиной 2,5 см и 3,5 см, толщиной 0,4–0,5 см;

- крупный железный кованый гвоздь квадратного сечения, с округлой шляпкой (рис. 11, 19); длина = 17,7 см, толщина = 1 см;

- бронзовый скрученный прут круглого сечения, толщиной 4 мм; у одного из концов имеется небольшое утолщение;

- фрагмент прямого вертикального венчика с закругленным краем сосуда (бокал-стакан?) из прозрачного, светло-зеленого стекла;

- фрагмент стенки сосуда из прозрачного, светло-зеленого стекла;

- плоский листовидной формы железный черешковый наконечник стрелы (рис. 11, 15); общая длина = 46 мм, длина пера = 23 мм, длина черешка = 23 мм, ширина пера = 7 мм, толщина пера = 3,5 мм, толщина черешка квадратного сечения = 2–3,5 мм;

- плоский ромбовидный железный черешковый наконечник стрелы (рис. 11, 16); общая длина = 73 мм, длина пера = 44 мм, длина черешка = 39 мм, ширина пера = 15 мм, толщина пера = 6 мм, толщина черешка круглого сечения = 4 мм.

Описанные наконечники стрел представляют несомненный интерес, но, к сожалению, аналоги им для данного периода нам пока не известны.

Керамический комплекс слоя 2, датировка вышележащего слоя 1 и нижележащего слоя 3 (основанная на хронологически показательных бронзовых поясных пряжках рубежа IV–V вв. [2, с. 159, 162, рис. 7, 23, 24] и керамическом комплексе), позволяют датировать данный слой серединой V – началом/серединой VI в.

В результате снятия слоя 1 и слоя 2 были выявлены три погребения в грун-

товых ямах, впущенные в культурный слой поселения. Захоронения получили продолжающуюся нумерацию – погребения №№ 28–30. Могильные ямы в большинстве случаев не прослеживались вследствие того, что они были впущены в культурный слой поселения и засыпались тем же грунтом. Они частично фиксировались только на уровне выявленных скелетов.

Погребение № 28, очевидно, было совершено в простой удлиненной грунтовой яме с закругленными углами – ее следы частично прослеживались на уровне изголовья и груди скелета. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой почти на запад, с легким поворотом на правый бок, череп отсутствовал, левая рука была согнута в локте и лежала на животе, правая рука была вытянута и располагалась вдоль туловища. Ноги вытянуты, кости ступней отсутствовали. Погребение безынвентарное.

Погребение № 29, очевидно, было совершено в простой удлиненной грунтовой яме. Погребенный был положен вытянуто на правом боку, головой на ЮЗЗ, череп повернут лицевыми костями на юг, левая рука была вытянута вдоль туловища, правая рука – слегка согнута в локте; ноги вытянуты, слегка согнуты в коленях. Погребение безынвентарное.

Погребение № 30, очевидно, было совершено в простой удлиненной грунтовой яме с закругленными углами – ее следы слабо прослеживались у изголовья скелета и верхней части туловища. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ, череп повернут лицевыми костями на юг, левая рука была согнута в локте под прямым углом и лежала на животе, правая рука была согнута под острым углом и располагалась на груди; ноги вытянуты, кости голеней отсутствовали (скелет был поврежден проросшими корнями сосны). Погребение безынвентарное.

Представленные погребения, как и ранее открытые на данном раскопе, отличаются единым погребальным обрядом, характеризующимся захоронением умерших в простой удлиненной узкой грунтовой яме, с захоронением вытянуто на спине или на правом боку, головой на ЮЗЗ, запад, с обращенными на юг лицевыми костями черепа. Данный обряд представляет собой вариацию мусульманского погребального обряда в грунтовой яме (араб. *shiqq / shaqq* ‘траншея’) (ориентировка погребения в западный сектор; вытянуто на спине или на боку, с положенными на грудь или вдоль туловища руками, с головой, повернутой вправо, т.е. на юг, по направлению киблы – в сторону Каабы в Мекке) [подробнее см.: 10, с. 202–226], и на этом основании представленные погребения относятся к средневековому периоду. Более точная датировка в силу безынвентарности захоронений затруднена, но, исходя из некоторых топографических данных, вскрытые погребения можно отнести к XIV–XV вв. Относительным хронологическим репером, который может указывать на датировку выявленных погребений, является обнаруженная в раскопе XVII, расположенном в 30 м к северу от раскопа XXV, надмогильная стела «счастливого шахида» (шахид ас-са’ид) Шаха Вали, сын Шақила с датой 915 г.х. / апрель 1509 – апрель 1510 г. [11, р. 139–144;

12, с. 13-18]. При том, что они территориально близки, остается не ясным, относится ли данное погребение к выявленному могильнику, но отметим, что стела и связанное с ней захоронение находятся в той же стратиграфической позиции, что и другие мусульманские могилы, впущенные в культурный слой поселения.

В результате вскрытия слоев 1 и 2 в площади новых квадратов были выявлены строительные остатки – продолжения стен 4, 11, 12 и 13, а также стены 14 и 15, которые образовывали помещения 6, 7, 8 и 9 (рис. 2–5, 12). Напомним, что *помещение 6* образовано стенами 4, 11 и 12, *помещение 7* – стенами 4, 12, 13, *помещение 8* – стенами 12 и 13, а стена 4 – общая для *помещений 1–7*, примыкающих к ней. *Помещения 7, 8 и 9* в 2017 г. были вскрыты не полностью – южные участки их выходят за пределы вскрывавшейся части раскопа.

Стена 4 была выявлена в 2012 г. (рис. 2–5, 12, 13). Она имеет направление ЮЮВ-ССЗ и следует вдоль восточного борта раскопа. Своим северным концом она упирается в северный борт, а южным концом – в южный борт раскопа. Стена сложена двупанцирной или двурядной по толщине кладкой из крупных и средних необработанных или частично подправленных камней на глиняном растворе с использованием мелких камней во внутренней забутовке стены и при подкладке под крупные камни для их большей устойчивости. Ширина стены составляет 65–75 см, при сохранившейся высоте max. 68–95 см. С расширением раскопа в 2017 г. продолжение стены 4 было прослежено и вскрыто на протяжении 3,5 м. Таким образом, общая прослеженная протяженность стены 4 составила более 25 м.

Стена 11 (рис. 2–5) была выявлена в 2015 г. Она имеет направление ЮЗЗ-СВВ и располагалась перпендикулярно к описанной стене 4. В 2017 г. было выявлено ее продолжение в юго-западном секторе раскопа (рис. 85, 86, 87). Общая протяженность стены составляет свыше 9 м. Стена сложена из крупного и среднего бутового камня, иногда немного подтесанного, на глиняном растворе, редко использован и мелкий бут. Кладка сохранилась на высоту 1–3 рядов (22–42 см), ширина стены 45–55 см.

Стена 12 (рис. 2–5, 12, 14) была почти полностью выявлена в 2016 г. Она следует параллельно стене 11 и перпендикулярно стене 4. Стена сложена из крупного, среднего и мелкого бутового камня, иногда немного подтесанного, на глиняном растворе; мелкие и плоские камни часто использованы в качестве подкладки под более крупные камни для их лучшей устойчивости. Высота сохранившейся кладки 2–6 рядов (до 85 см), ширина стены 45–50 см, прослеженная длина 7,40 м.

Стена 14 (рис. 2–5) сложена однорядной кладкой, из трех крупных необработанных камней, положенных плашмя, щели меж камней заполнены мелким бутом. Высота стены 20–24 см, ширина 44 см, длина 1,60 м. Стена имеет направление С-Ю и следует параллельно стене 4, вдоль западного борта раскопа.

Стена 14 вместе со стенами 4, 11, 12 образует помещение 6 (рис. 2–5), в

котором стена 4 – восточная, стена 11 – северная, стена 12 – южная, стена 14 – западная. Помещение имеет удлиненную подпрямоугольную форму, вытянутую длинной осью по направлению линии ЮЗЗ-СВВ, около 9×2 м (около 18 кв. м).

Стена 13 (рис. 2–5) была выявлена в сезоне 2016 г. на протяжении около 1,1 м. С расширением раскопа в 2017 г. стена была прослежена на 2,75 м. Она параллельна стене 4, ее северный конец перпендикулярно упирается в стену 12, а южный конец прерывается, немного не доходя до южного борта раскопа. Стена сложена из крупного и среднего бутового камня (в нижней части кладки – ряд немного подтесанных камней) на глиняном растворе, с использованием мелких камней для закладки свободного пространства и устойчивости конструкции. Кладка сохранилась на высоту 3–6 рядов (40–84 см), толщина стены 45–50 см.

Стена 15 (рис. 2–5, 15) была выявлена у южного угла раскопа. Она имеет направление СЗЗ-ЮЮВ и следует параллельно стенам 4 и 13. Южный конец стены немного не доходит до борта раскопа и прерывается. Северный конец также обрывается, но, по всей видимости, в этом направлении она перпендикулярно упиралась в стену 12. Стена сложена из крупного, среднего и мелкого необработанного бутового камня на глиняном растворе. Кладка сохранилась на высоту 2–3 рядов (50–64 см), толщина 45–50 см, протяженность стены около 2,30 м.

Стена 13 и соответствующие участки стен 4, 12 образуют прямоугольное в плане помещение 7, смежное с помещением 6 (рис. 2–5, 12). При этом стена 13 является западной стеной помещения 7, стена 4 – восточной, стена 12 – северной. Южная стена, очевидно, располагается за пределами раскопа в южном направлении. Таким образом, в площади раскопа оказалась часть помещения 7 размерами около 3,5×4,3 м.

В помещении 7 в его западной части выявлена *вымостка 5* (рис. 2, 3, 5, 12). Она была выложена из частично подтесанных, плоских каменных плит, положенных плашмя и образующих относительно горизонтальную поверхность. Кладка вымостки редкая, имеются пустоты между уложенными плитами. В выявленной площадке присутствуют разных размеров каменные плиты: от крупных до средних (32×35×7 см, 20×20×3,5 см) и мелких. В кладке вымостки выделяются две крупные плиты размерами 90×66×11,5 см и 95×65×11 см. Площадь, занимаемая вымосткой, составляет около 4,0 кв. м (2,1×1,95 м), с западной стороны она примыкает вплотную к стене 13, а с восточной к вымостке 6 (см. ниже), южная оконечность вымостки 5 уходит в борт раскопа.

В этом же помещении 7 от его северо-западного края и до центральной части шла каменная вымостка 6, соединявшаяся с вымосткой 5 (рис. 2, 3, 5, 12). Она представляет собой двурядную (в конце переходящую в однорядную) дорожку, плотно выложенную из нескольких необработанных камней крупных и средних размеров, не составляющих, однако, горизонтальную

поверхность. Длина дорожки – 2 м, ширина 0,55–0,60 м.

В 2016 г. в площади помещения 7 были зафиксированы два скопления керамики, фиксирующие уровень пола, который не прослеживался. Одно из них представляло собой скопление стенок крупного красноглиняного тарного сосуда со сплошной двусторонней штриховкой тулова многозубым гребнем, и обломков керамической посуды, среди которой выделяются фрагмент раздвоенного венчика сасанидского коричневоглиняного крупного сферического сосуда и фрагмент кольцевого поддона сасанидского красноглиняного кувшина. В сезоне 2017 г. в восточной части помещения 7 рядом со стеной 4 была выявлена нижняя часть стоявшего *in situ* розовоглиняного, с примесью песка в тесте, толстостенного тарного сосуда со сферическим туловом и с узким, чуть выпуклым донцем; d донца = 8,5 см (рис. 16). Очевидно, что сосуд был установлен вкопанным в пол помещения. Данный сосуд также представляет характерный образец сасанидской тарной керамики.

Стена 13, стена 15 и восточный участок стены 12 образуют прямоугольное в плане помещение 8, смежное с помещениями 6 и 7 (рис. 2–5 80–83, 94, 95). При этом стена 13 является восточной стеной помещения 8, стена 15 – западной, стена 12 – северной. Южная стена, очевидно, располагается за пределами раскопа в южном направлении. Таким образом, в площади раскопа оказалась часть помещения 8 размерами около 2,6×3,3 м.

В площади помещения 8 вплотную к стене 15 была зачищена каменная *вымостка* 4 (рис. 2, 3, 5), занимавшая западную половину помещения. Она выложена из больших и средних размеров относительно ровных и плоских каменных плит, положенных плашмя. Эта площадка имеет относительно горизонтальную поверхность, ее размеры 2,3×1,9 м.

Наконец заметим, что в южном углу раскопа, возможно, располагалось помещение 9 (рис. 2×5), вскрытое только на незначительном участке и отделенное от смежного помещения 8 стеной 15 (рис. 15).

В следующем сезоне планируется, осуществив прирезки в западную и южную стороны раскопа, вскрыть полностью помещения 7 и 8, при этом выявив их южные стены, и частично открыть помещение 9.

Полученные в ходе раскопок материалы проливают новый свет на вопросы исторической топографии, планировки, стратиграфии и хронологии Дербентского поселения, идентифицируемого с известным по раннесредневековым источникам городом-крепостью Чор/Чол, освещают вопросы архитектуры и строительного дела, хозяйственной деятельности, культуры и быта обитателей поселения.

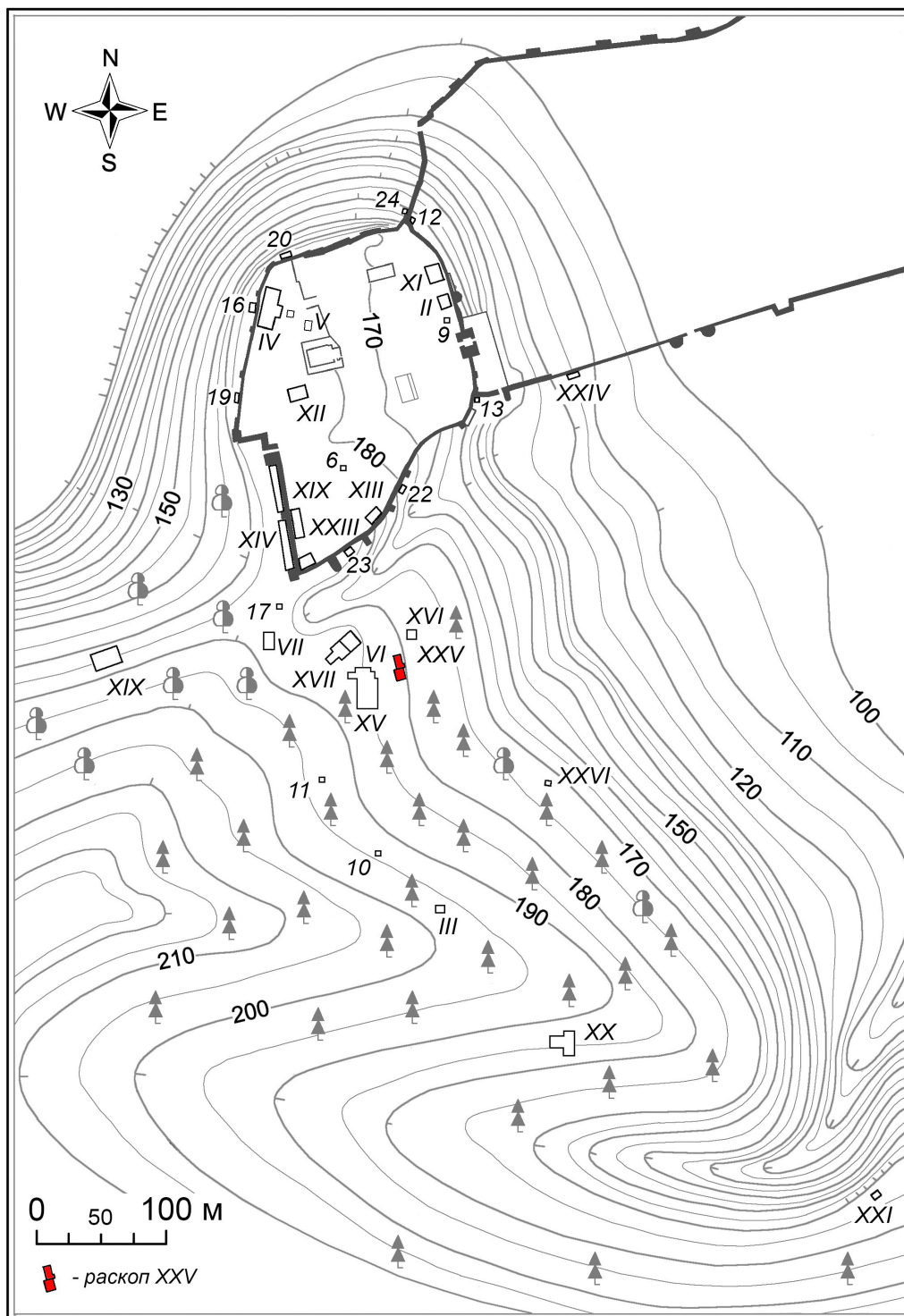

Рис. 1. Дербент.
 План цитадели Нарын-кала VI в. и Дербентского поселения
 с указанием места расположения раскопа XXV,
 а также ранее заложённых раскопов (обозначены римскими цифрами)
 и стратиграфических шурфов (обозначены арабскими цифрами)

Fig. 1. Derbent.
 The plan of the citadel Naryn-kala of the VI century AD and Derbent settlement
 with the indication of the location of the excavation area XXV,
 as well as the previously laid excavation areas (indicated by Roman numerals)
 and stratigraphic digs (indicated by Arabic numerals)

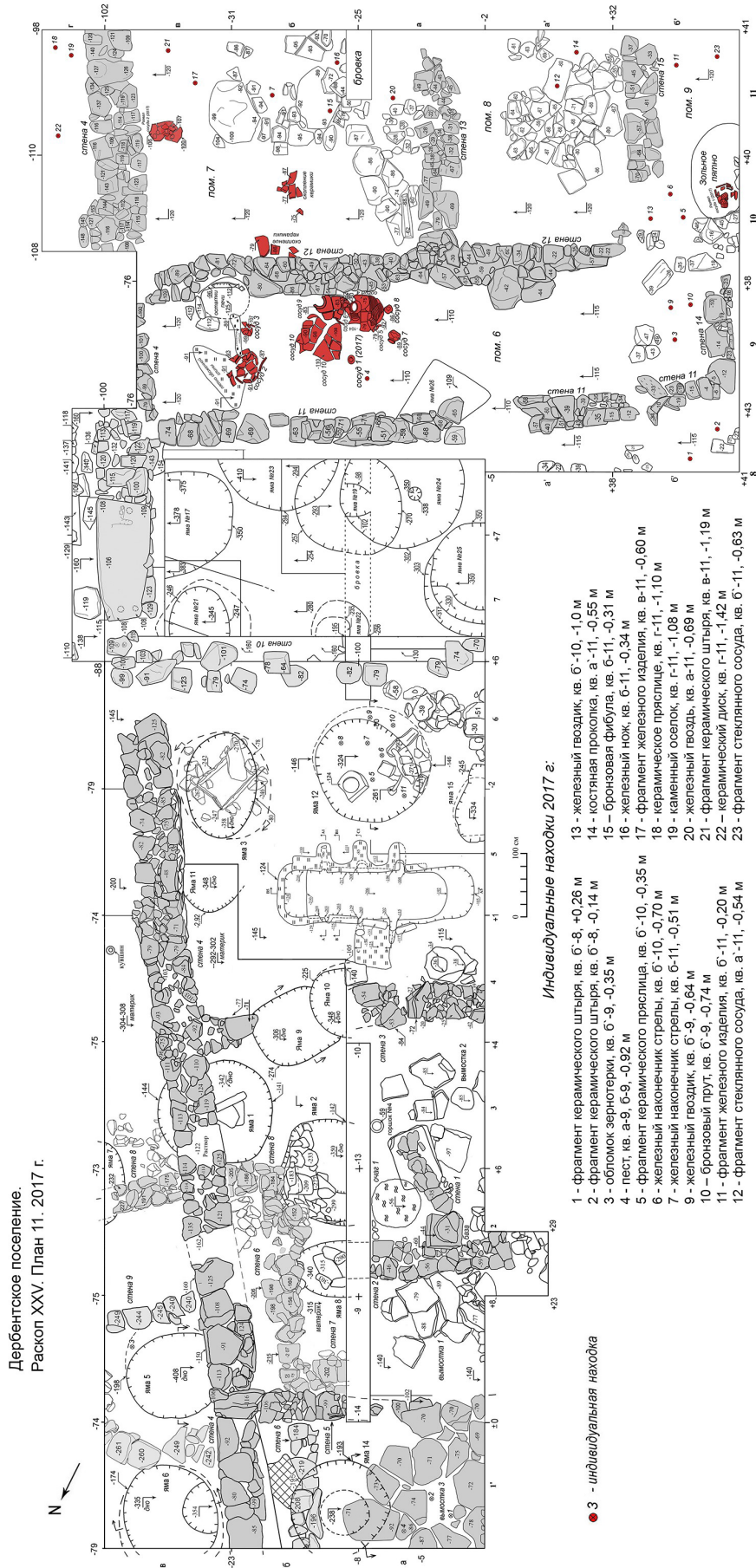

Рис. 2. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Послойный план 10-2 (2017 г.)

Fig. 2. Derbent settlement. Excavation area XXV. Plan 10-2 (2017)

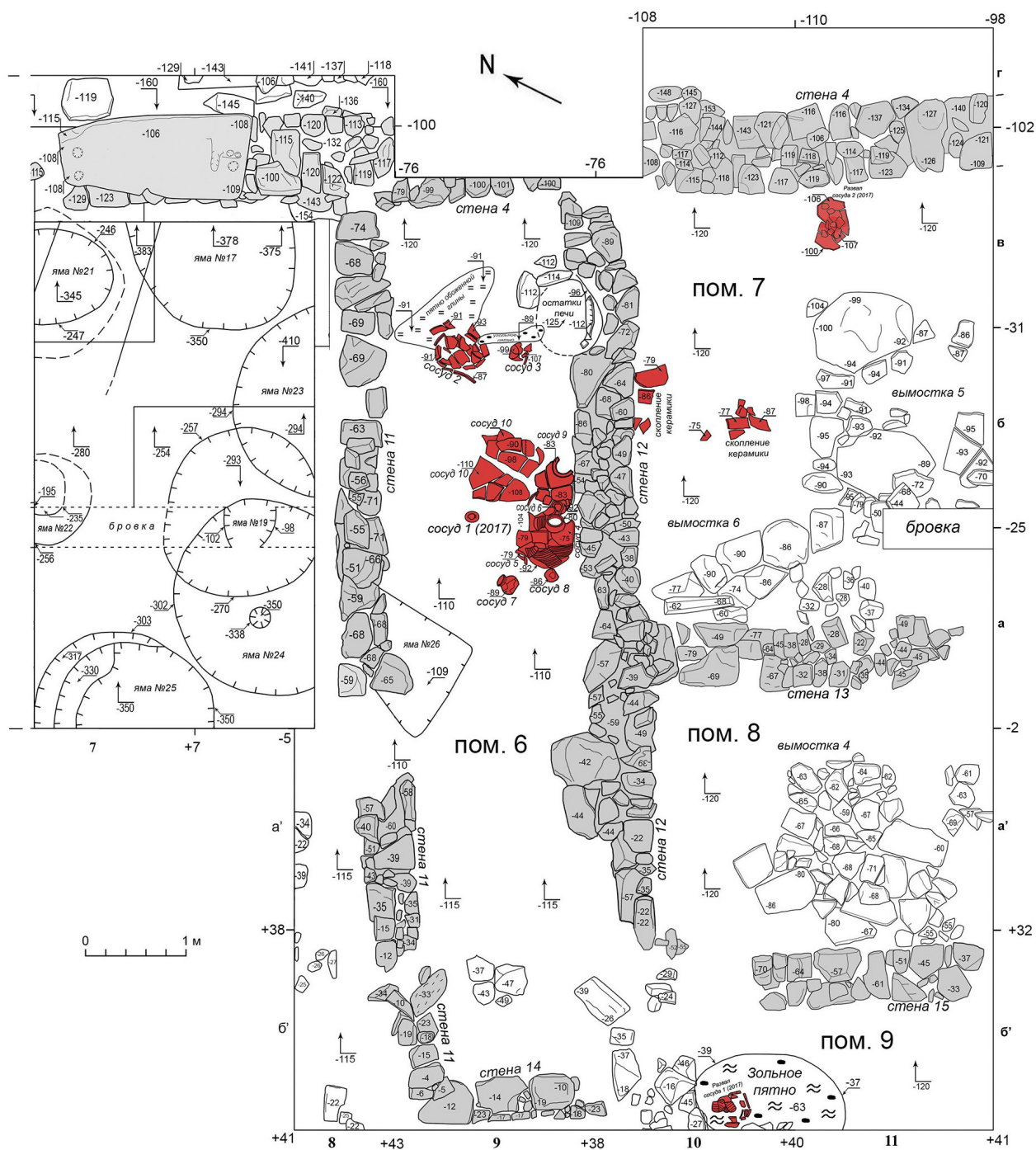

Рис. 3. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Южный сектор. План участков, вскрывавшихся в 2016–2017 гг.

Fig. 3. Derbent settlement. Excavation area XXV. Southern sector. Plan of plots excavated in 2016–2017

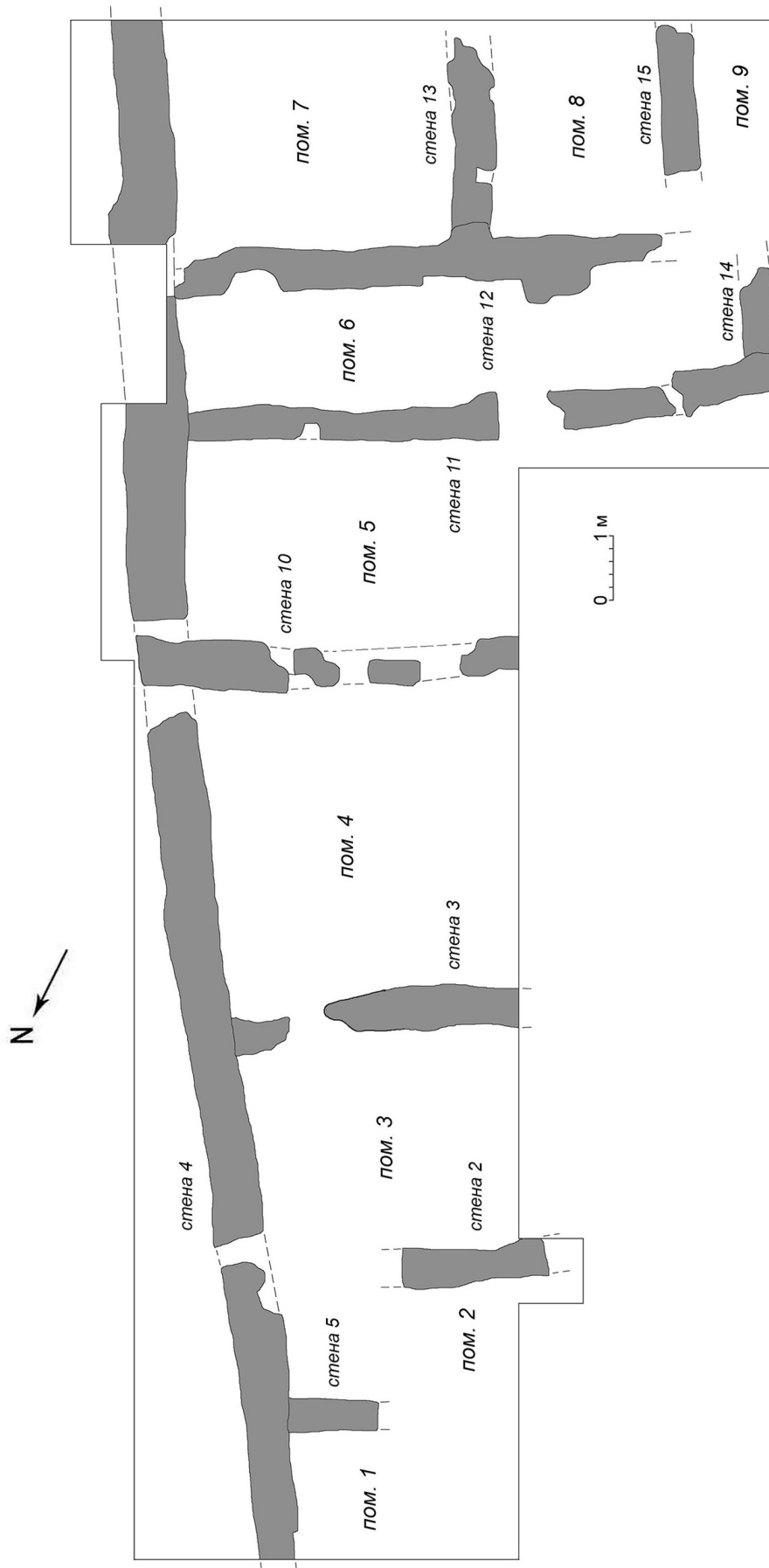

Рис. 4. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
План-схема выявленных архитектурных остатков – помещений 1–9

Fig. 4. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Plan-scheme of the revealed architectural remains – rooms 1-9

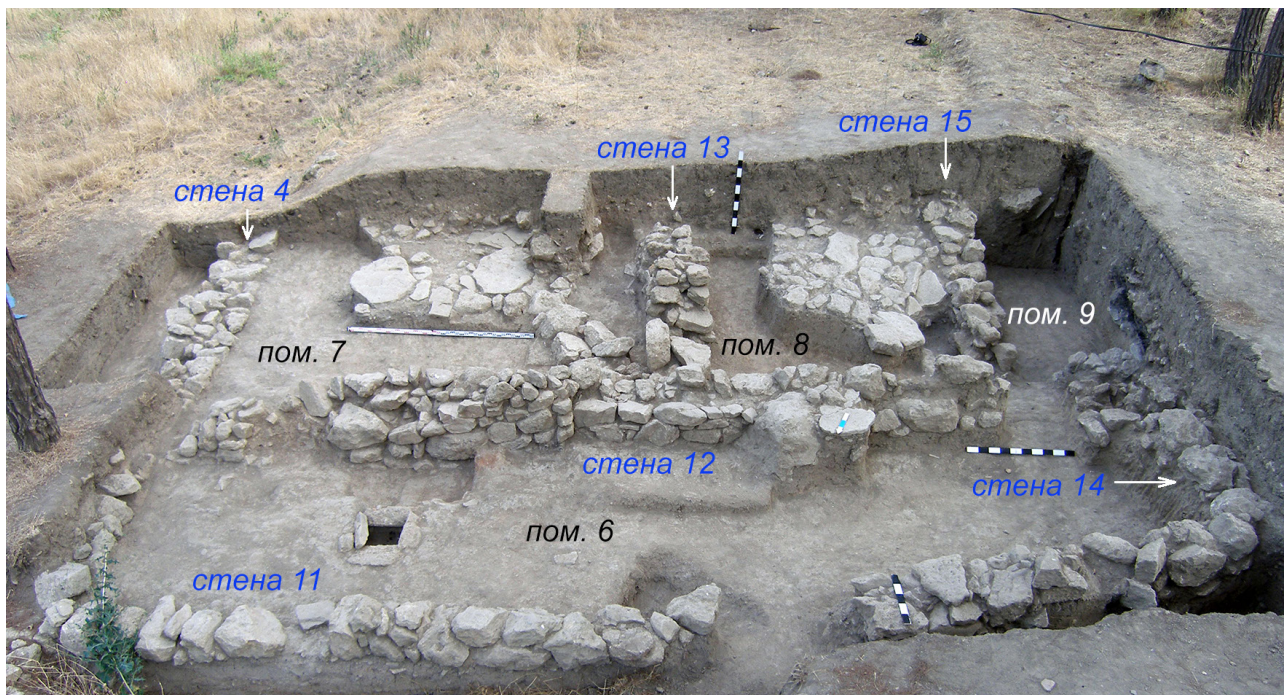

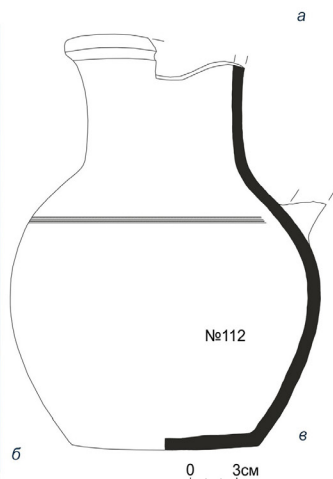
Рис. 5. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Южный сектор. Помещения 6–9. Вид с СЗ

Fig. 5. Derbent settlement. Excavation area XXV. Southern sector. Rooms 6-9. View from NW

Рис. 6. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Помещение 6. Кувшин-ойнохоя: а – in situ, б – фото, в – рисунок

Fig. 6. Derbent settlement. Excavation of XXV. Room 6. Jug-oinochoe: a - in situ, b - photo, c - drawing

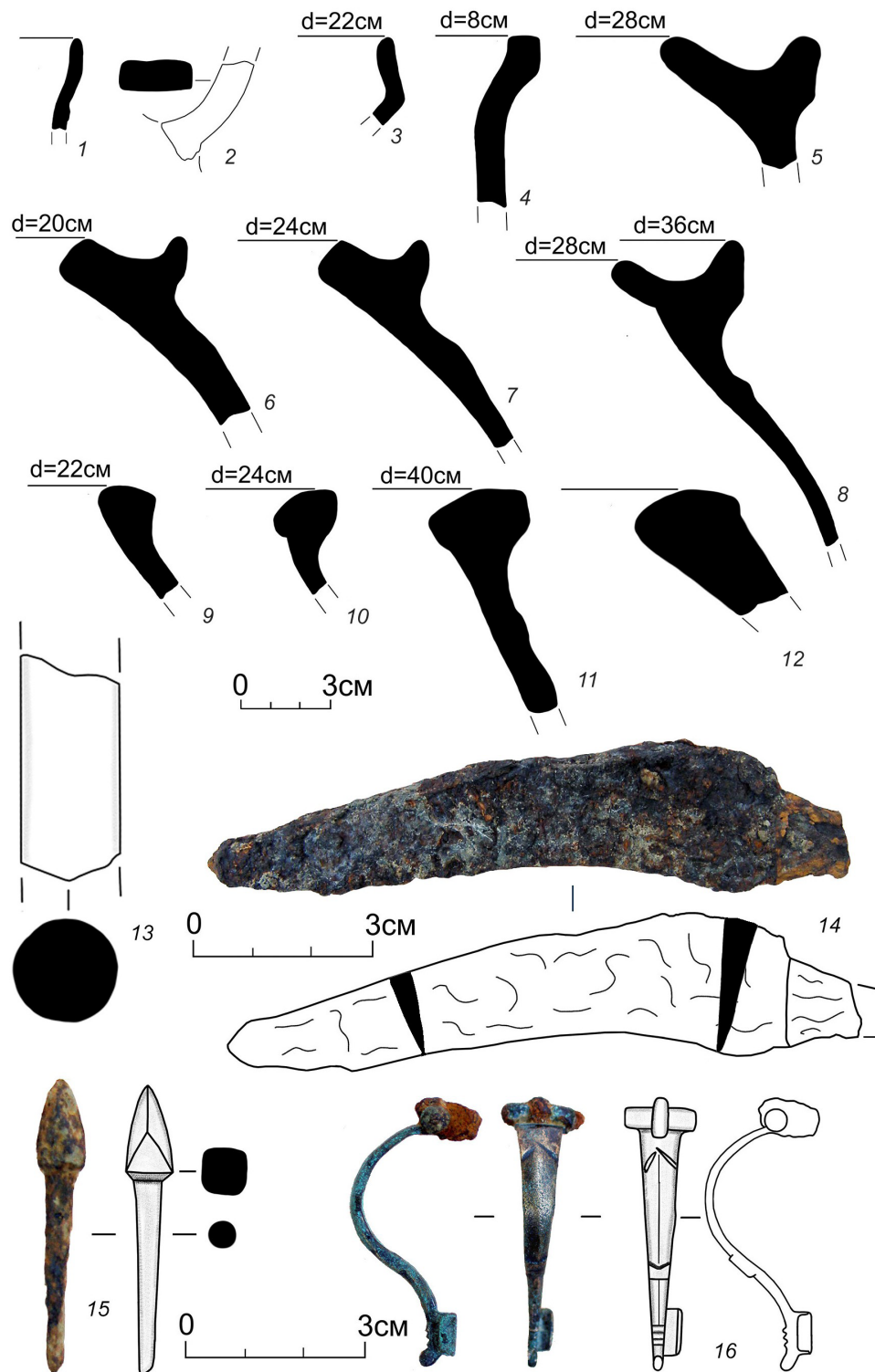

Рис. 7. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Фрагменты керамических сосудов (1-12) и индивидуальные находки (13-16)
из слоя 1. 13 – керамика, 14, 15 – железо, 16 – бронза, железо

Fig. 7. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Fragments of ceramic vessels (1-12) and individual findings (13-16)
from layer 1. 13 - ceramics, 14, 15 - iron, 16 - bronze, iron

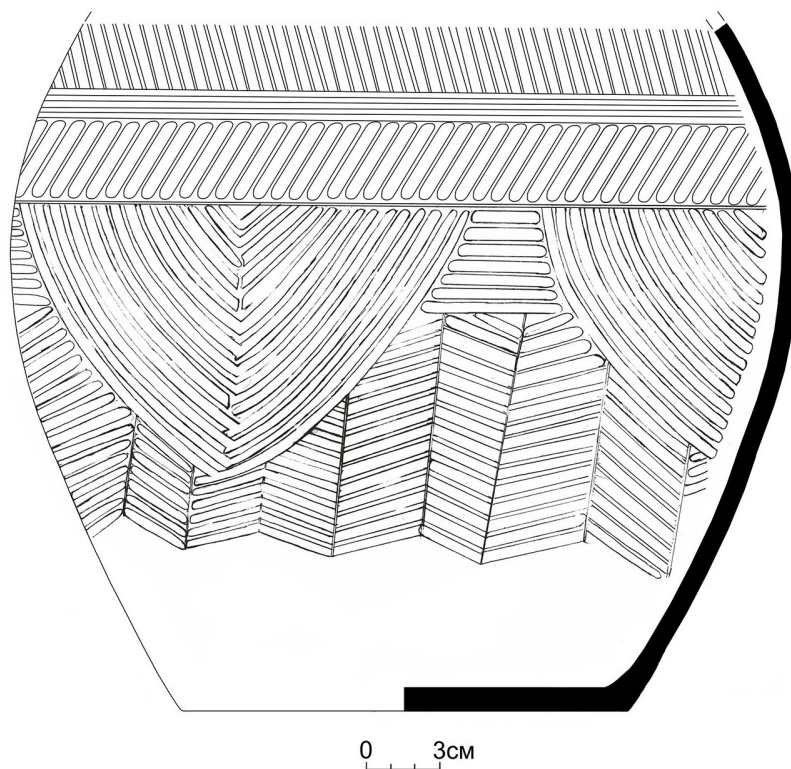

Рис. 8. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Кв. б'-10.
Основание слоя 1. Кувшин

Fig. 8. Derbent settlement. Excavation area XXV. Quadrant b'-10.
Low part of layer 1. Jug

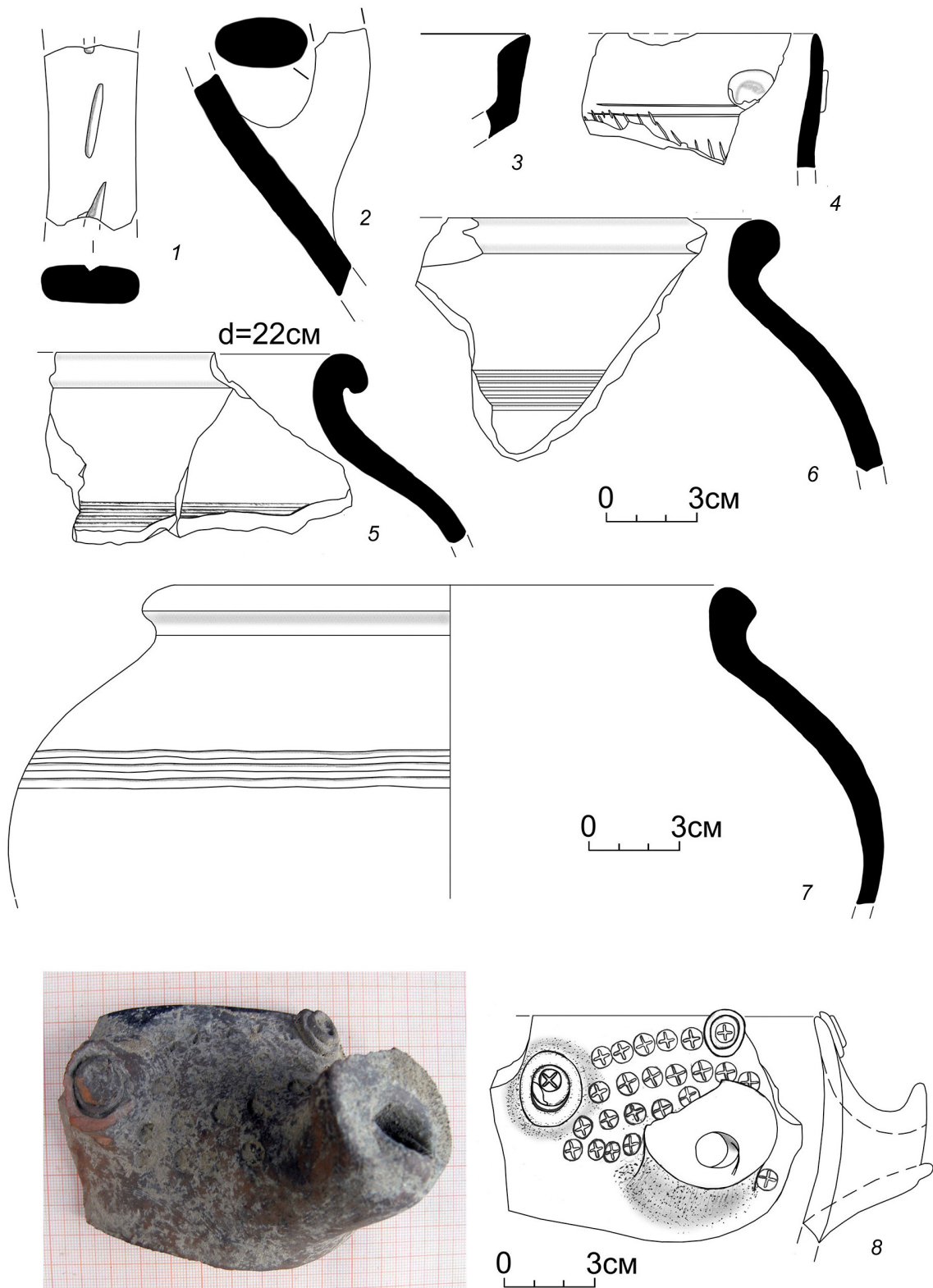

Рис. 9. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Фрагменты керамики из слоя 2

Fig. 9. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Fragments of ceramic ware from layer 2

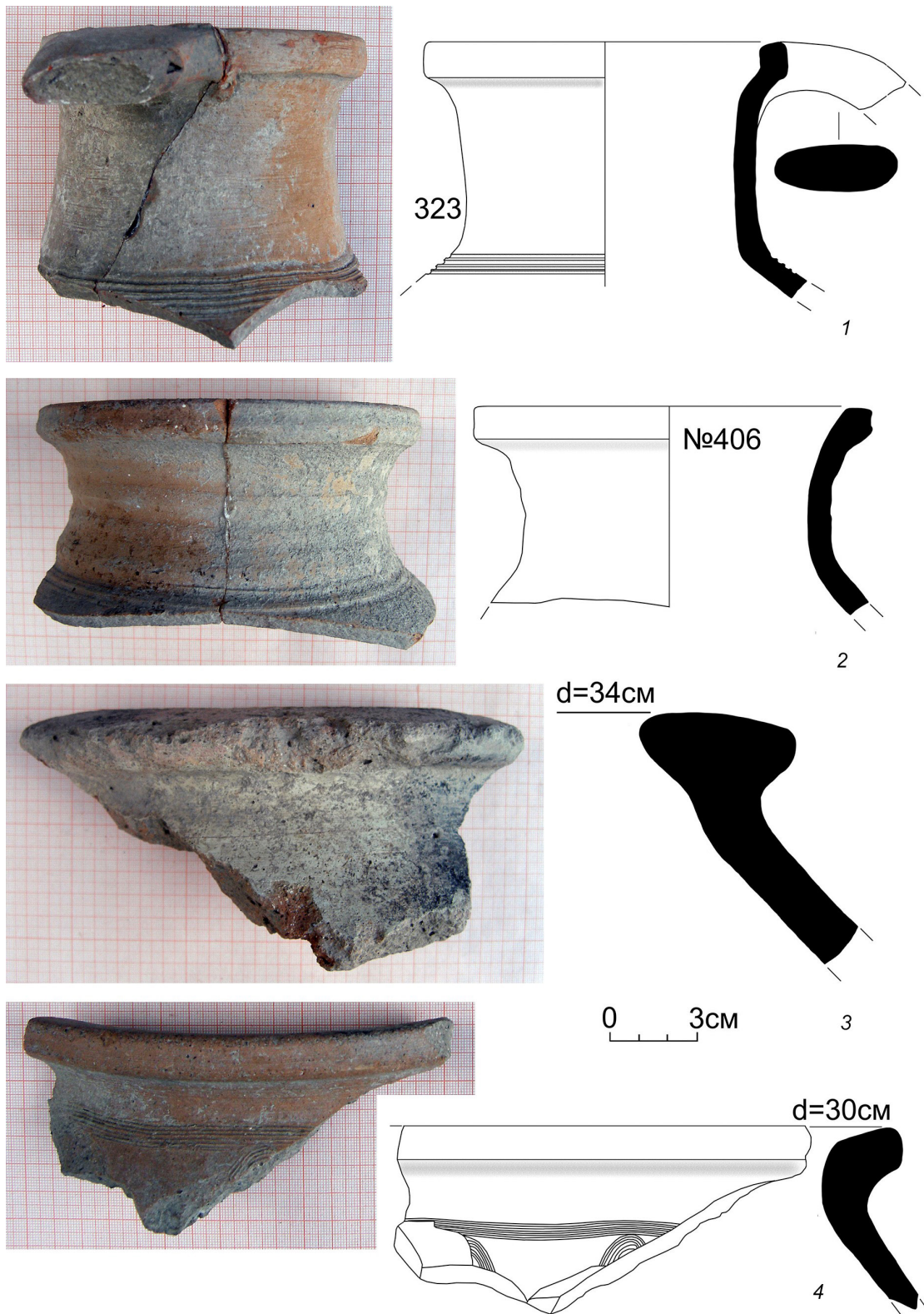

Рис. 10. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Фрагменты сасанидской керамики из слоя 2

Fig. 10. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Fragments of Sasanian pottery from layer 2

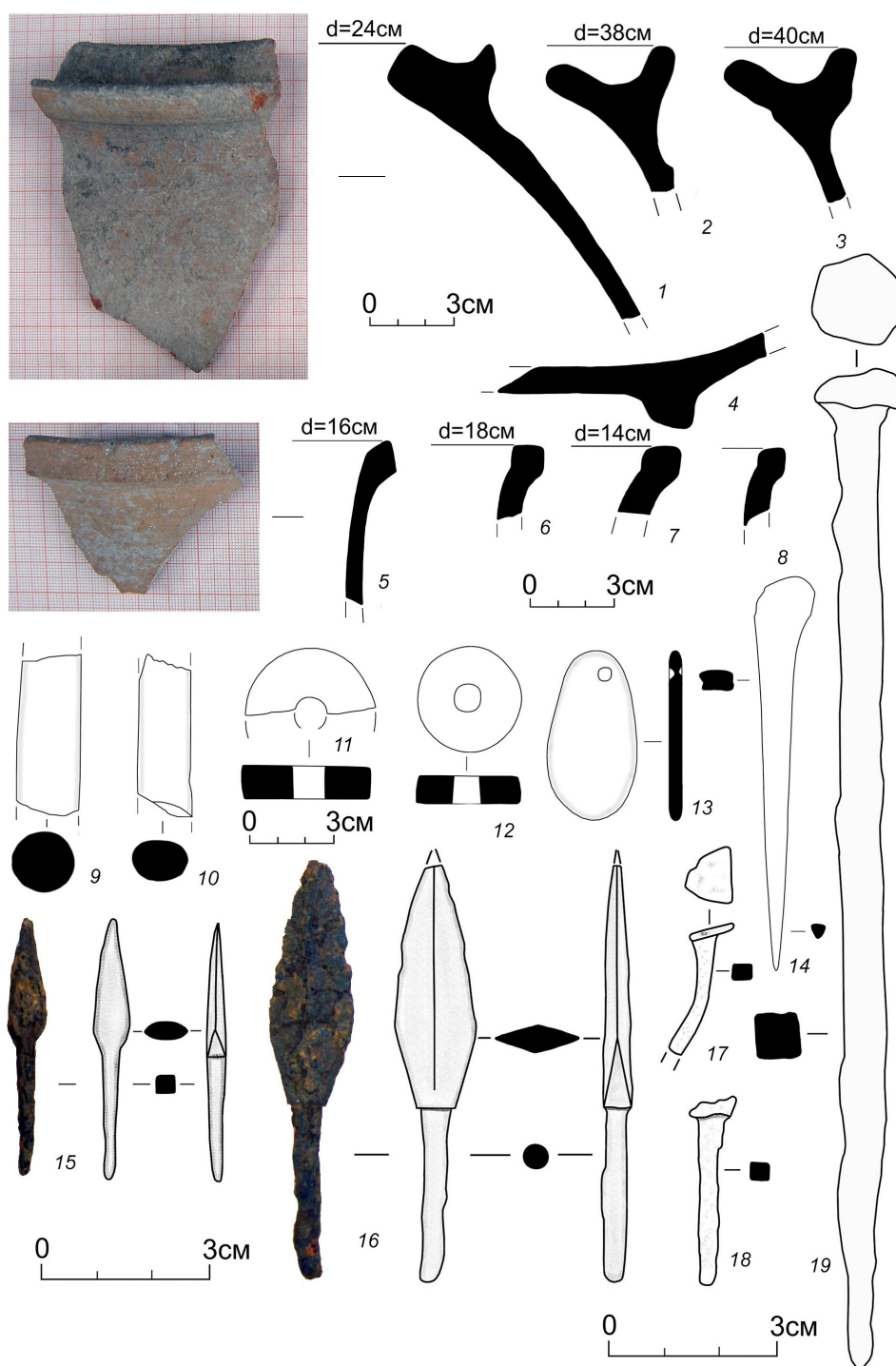

Рис. 11. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Фрагменты сасанидской керамики (1-8) и индивидуальные находки (9-19)
из слоя 2. 9-12 – керамика, 13 – камень, 14 – кость, 15-19 – железо

Fig. 11. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Fragments of Sasanian pottery (1-8) and individual finds (9-19)
from layer 2. 9-12 - ceramics, 13 - stone, 14 - bone, 15-19 - iron

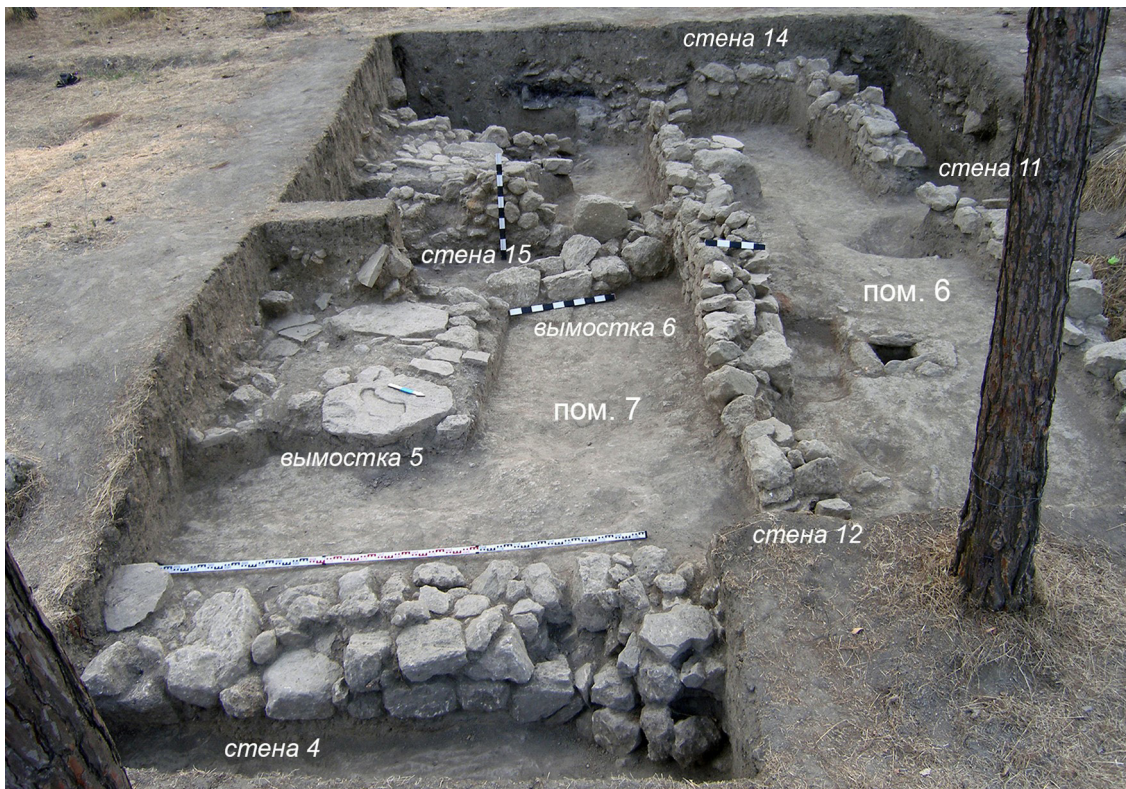

Рис. 12. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Помещения 6-9. Вид с СВВ

Fig. 12. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Rooms 6-9. View from NEE

Рис. 13. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Южный сектор.
Участок стены 4. Вид с СВВ

Fig. 13. Derbent settlement. Excavation area XXV. Southern sector.
Part of wall 4. View from NEE

Рис. 14. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Помещение 7. Центральный участок стены 12. Вид с ЮЮВ

Fig. 14. Derbent settlement. Excavation of XXV.
Room 7. Central part of wall 12. View from SSE

Рис. 15. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Помещение 9. Стена 13. Вид с ЮЗЗ

Fig. 15. Derbent settlement. Excavation area XXV.
Room 9. Wall 13. View from SWW

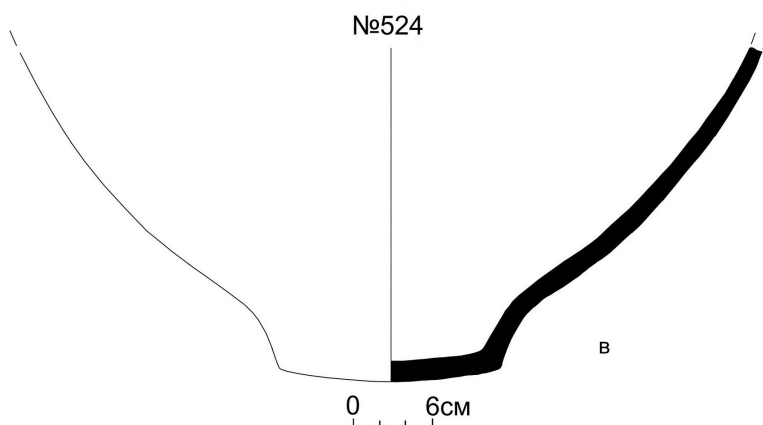

Рис. 16. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Помещение 6. Развал гарного сосуда-хума: а – in situ, б – фото, в – рисунок

Fig. 16. Derbent settlement. Excavation area XXV. Room 6. Big storage jar (khum): a - in situ, b - photo, c - drawing

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л. Раскопки Дербентского поселения в 2012 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. 2013. С. 108–129.

2. Гаджиев М.С. Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 гг.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. 2017. С. 155–163.

3. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2014 г. М.: ИА РАН, 2016. С. 220–223.

4. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. Новейшие исследования Дербентского поселения первой пол. – сер. I тыс. н.э. // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 21–22 октября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 94–95.

5. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения в 2012–2015 гг. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2016. С. 139–140.

6. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2015 г. М.: ИА РАН, 2017. С. 259–260.

7. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2016 г. М.: ИА РАН, 2018. С. 268–269.

8. Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 49–71.

9. Whitcomb D.S. Before the Roses and Nightingales: Excavations at Qasr-i Abu Nasr, Old Shiraz. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1985. 271 p.

10. Гаджиев М.С., Таймазов А.И.,

1. Gadzhiev MS., Budajchiev AL. Excavation of Derbent settlement in 2012 [Raskopki Derbentskogo poseleniya v 2012 g.]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii* (=Herald of Institute of history, archeology and ethnography) 2013, 4: 108-129.

2. Gadzhiev MS. Derbent settlement: some results of excavation (2012-2016). [Derbentskoe poselenie: nekotorye itogi raskopok (2012-2014 gg.)]. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*. 2017, 2(87): 155-163.

3. Gadzhiev MS., Abiev AK., Budajchiev AL., Abdulaev AM., Shaushev KB. Raskopki Derbentskogo poselenija [Excavation of Derbent settlement]. *Archaeological discoveries of 2014. (Arheologicheskie otkrytija 2004 g.)*. 2016: 220-3. (In Russ.).

4. Gadzhiev MS., Budajchiev AL., Abdulaev AM. The latest researches of the Derbent settlement of the first half – mid. of the 1st mill. AD. [Novejshie issledovaniya Derbentskogo poseleniya pervoj pol. – ser. I tys. n.e.]. *Dagestan v kavkazskom istoriko-kul'turnom prostanstve. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashennoj 90-letiyu Instituta istorii, arheologii i etnografii DNC RAN. Makhachkala, 21-22 oktyabrya 2014 g. (Dagestan in the Caucasian historical and cultural space. Proceedings of the International scientific conference devoted to the 90 anniversary of Institute of history, archeology and ethnography of DSC RAS. Makhachkala, October 21-22, 2014)*. Makhachkala, 2014: 94-95. (In Russ.).

5. Gadzhiev MS., Budajchiev AL., Abdulaev AM., Shaushev KB. Excavation of Derbent settlement in 2012-2015 [Raskopki Derbentskogo poselenija v 2012-2015 gg.] *Studying and preservation of archaeological heritage of the people of the Caucasus. XXIX Krupnovsky readings. Proceedings of the International scientific conference. Grozny, April 18-21, 2016. [Izuchenie i sohranenie arheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Groznyj, 18-21 aprelya 2016 g.]*. Grozny: Chechenia State University, 2016: 139-140 (In Russ.).

6. Gadzhiev MS., Abiev AK., Budajchiev AL., Abdulaev AM., Shaushev KB. Raskopki

Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Абиев А.К. Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-абвабе) // Проблемы истории, филологии, культуры. №. 1 (63). 2019. С. 202–226.

11. Gadjeiev M.S. A Burial of 915 A.H. at the Walls of Derbent // *Iran and the Caucasus*. 2019. Vol. 23.2. P. 139–144.

12. Гаджиев М.С. Погребение 915 г. хиджры у стен Дербента // *Caucaso-Caspica. Труды Института востоковедения Российско-Армянского университета*. Вып. IV. Ереван: Изд-во РАУ, 2019. С. 13–18.

Derbentskogo poselenija [Excavation of Derbent settlement]. *Archaeological discoveries of 2015. (Arheologicheskie otkrytiya 2015 g.)*. 2017: 259-260. (In Russ.).

7. Gadzhiev MS., Abiev AK., Budajchiev AL., Abdulaev AM., Shaushev KB. Raskopki Derbentskogo poselenija [Excavation of Derbent settlement]. *Archaeological discoveries of 2016. (Arheologicheskie otkrytiya 2016 g.)*. 2018: 268-269. (In Russ.).

8. Abramova MP., Rannesrednevekovyj mogil'nik u s. Chmi v Severnoj Osetii [Early Medieval cemetery near the village Chmi in Northern Ossetia]. *Novye materialy po arheologii Tsentral'nogo Kavkaza (New materials on archaeology of the Central Caucasus)*. Ordzhoniokidze, 1986: 49-71.

9. Whitcomb D.S., *Before the Roses and Nightingales: Excavations at Qasr-i Abu Nasr, Old Shiraz*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1985. 271 p.

10. Gadzhiev MS., Tajmazov AI., Budajchiev AL., Abdulaev AM., Abiev AK. Rannemusul'manskij nekropol' v Derbente (Bab al-abvabe) (Баб ал-абвабе) [Early Muslim Cemetery in Derbent (Bab Al-Abwab)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 2019, 1 (63): 202-226.

11. Gadjeiev M.S. A Burial of 915 A.H. at the Walls of Derbent. *Iran and the Caucasus*. 2019, 23.2: 139-144.

12. Gadzhiev MS., Pogrebenie 915 g. hidzhry u sten Derbenta [Burial of 915 A.H. at the Walls of Derbent]. *Caucaso-Caspica. Trudy Instituta vostokovedenija Rossoijsko-Armjanskogo universiteta (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian-Armenian University)*. Erevan: RAU Publishing House, 2019, IV: 13-18.

Статья поступила в редакцию 05.05.2020 г.